

Славянская диалектология в синхронии и диахронии

Формы род. и мест. падежей сущ. муж. рода ед. ч. на -у в древнепсковском диалекте XIV–XVI вв. (по данным псковских летописей)

Е. Н. Горбовская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Окончание -у в родительном и местном падеже; древнепсковский диалект; старобелорусский язык

Summary. According to the data of Pskovian chronicles, the processes of spreading of u-ending in genitive and locative cases of masculine gender nouns were very similar. Factors which influenced the usage of u-ending include morphonological and semantic characteristics of a noun, the primordial *ŭ-stem, the concrete meaning of a wordform and register distinctions. In this respect the old Pskovian dialect comes most closely to the old (and modern) Byelorussian language and modern Pskovian dialects.

Псковские летописи широко отражают местные диалектные особенности, поэтому именно они были выбраны нами в качестве материала для исследования закономерностей, определявших употребление форм родительного падежа (Р.) и родительного падежа (М.) на -у в древнепсковском диалекте. Были рассмотрены Псковская 1-я летопись по Тихоновскому списку XVII в., Псковская 2-я летопись (Синодальный список XV в.), Псковская 3-я летопись по Строевскому списку XVI в. Кроме того, привлекались также данные других восточнославянских источников: современных псковских говоров, новгородских берестяных грамот, памятников старобелорусского языка XIV–XVII вв., современного белорусского и русского языка (по трудам А. А. Зализняка, Е. Ф. Карского, А. И. Соболевского и др.).

Исследование показало, что в древнепсковском диалекте окончание -у широко использовалось для образования форм Р. и М. При этом на функционирование данного окончания оказывали воздействие закономерности разных языковых уровней: морфонологического (акцентологическая характеристика слова, количество слогов в основе и характер ее конечного согласного), семантического (семантика «живого» / «неживого», отнесенность к определенным семантическим разрядам), синтаксического (значение падежной формы, предлог), а также уровня текста (регистральные различия). Однако большая часть этих закономерностей носила характер не всегда последовательно реализующихся тенденций.

Необходимо подчеркнуть, что процессы распространения окончания -у в Р. и М., по-видимому, протекали параллельно и во многом были сходны.

Во-первых, для обоих падежей важна морфонологическая характеристика существительного. И в том, и в другом падеже менее всего склонны принимать окончание -у существительные акцентной парадигмы (а. п.) *a* (хотя такие примеры зафиксированы, ср. Р. *горохоу*; М. *по пожару* и др.). При этом в М. слова а. п. *b* (например, *на лбоу*) и *c* (*в пелелу*) одинаково часто употребляются в формах на -у, в Р. же существительные а. п. *b* (*животу*) имеют окончание -у реже, чем существительные а. п. *c* (*снѣгу*). В обоих падежах окончание -у может использоваться у существительных с неодносложной основой (Р. *от... трепету*; М. *о посаднику* и др.).

Во-вторых, формы на -у (как Р., так и М.) образуются от существительных, принадлежащих к одним и тем же семантическим разрядам: названиям местностей (например, *до мосту*, *в городьку*), абстрактных понятий (*ездю* 'путь', *в полону*), событий (*от грому*, *на... бою*), а также к собирательным (*товару*, *в полку* 'в войске') и вещественным (*го-*

рохоу, *в пелелу*) существительным. Таким образом, окончание -у могут принимать как исчисляемые, так и неисчисляемые существительные.

В-третьих, и для Р., и для М. важен фактор исконности *и*-основы: существительные, исконно относившиеся к этому типу, обычно употребляются с окончанием -у (*леду*, *на меду* и др.).

Тем не менее, между процессам распространения окончания -у в Р. и М. были и определенные различия. В частности, большое значение имела характеристика конечного согласного основы: в М., в отличие от Р., образованию форм на -у способствовал исход основы на заднеязычный согласный (*в берегу*, *на кругоу*, *въ воску* и др.). Кроме того, в случае с М. окончание -у могло использоваться у существительных, исконно принадлежавших к мягкому типу склонения (*на... бою*, *въ вижю* — от *вижь* в выражении *ублюсти въ вижю* 'спасти').

Некоторые различия отмечаются и в сфере семантики. Так, при образовании форм М., в отличие от Р., окончание -у могли принимать существительные, обозначающие лиц (*о посаднику*).

Наконец, для М. наблюдается более тесная, чем для Р., связь между окончанием и значением падежной формы: формы с окончанием -у в изъяснительном значении употребляются значительно реже, чем те же формы в значении пространственно-временной локализации (ср., например, *на миру* и *на хрестномъ целовани* 'в период перемирия и действия мирного договора', но... *в послани*, *еже посла къ Иоанну антиохискому послание о мирѣ*...).

Сравнение данных псковских летописей с данными других восточнославянских источников позволяет сделать вывод, что древнепсковский диалект в рассматриваемом отношении оказывается очень близок к старобелорусскому и к современному белорусскому языку, а также к современным псковским говорам.

Что касается древненовгородского диалекта, то в некоторых точках он сближается с древнепсковским (например, независимость окончания от наличия определения перед формой М. или Р.), в некоторых — отличается от него (невозможность образования форм Р. на -у от существительных а. п. *b* в древненовгородском диалекте).

Наконец, употребление форм на -у в современном русском литературном языке во многом отлично от древнепсковского диалекта: как кажется, в последнем они использовались шире.

Таким образом, псковская диалектная система уже в исследуемый период в рассматриваемом отношении отличалась от центральной.

Роль контекста в выражении аспектуальных смыслов (на материале архангельских говоров)

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Повторяемость, длительность, сочетаемость глаголов совершенного вида

Summary. In the report it's considered compatibility of verbs of a perfective aspect with markers of duration and the repeatability of action testifying to development of elements of analytism in aspectual system (on of the materials of the Arkhangelsk dialects).

Исследователи литературного языка в качестве активных процессов, в нем происходящих, отмечают рост аналитизма в грамматической системе. Прежде всего, это затрагивает именные части речи, где наблюдается тенденция к несклоняемости. Что касается употребления видовременных глагольных форм, то здесь усматривается либо так называемая грамматическая аномалия, либо проявление аналитизма [Гловинская 2008: 216–224]. Речь идет не о двувидовых глаголах типа *женить*, *исследовать*, где грамматическое значение совершенного или несовершенного вида выражается средствами контекста, а о глаголах совершенного вида, которые приобретают нетипичную с позиций письменного языка сочетаемость с показателями длительности и кратности действия (*долго посмотрел, пять раз пришел*). При этом сами эти глаголы не утрачивают значение совершенного вида, просто в устном общении грамматичность вида становится нерелевантной, а большей значимостью начинает обладать окружающий видовую форму контекст.

Приведем примеры, зафиксированные нами в диалектной речи (записи осуществлены в разных районах Архангельской области).

Ситуация **повторяющегося** действия передается видовременной глагольной формой в сочетании с количественно-именными группами, называющими как точное, так и приблизительное число действий. Причем эти действия воспринимаются как изолированные, а не как следующие друг за другом подряд (в литературном языке нормой считается обозначение изолированных действий глаголами несовершенного вида [Шатуновский 2007: 202–203]): *Ско́лько раз загреми́т, а никакбо́ дбждика. Ты по́ три зб́ри ко мне приди́. Зимб́й-то не оди́н рас фключи́ [телевизор]. Ф ка́ждной день и позб́ня [дети]. Два́ ра́за уж за́муш соберё́жа, ви́дно, не судьба́. Три ра́за сойду́ця и розойду́ця [супруги]. Вот уж два ра́за при́е́хала [навещала]. Три ра́зика при́шла́ — с па́рня как рукой сняло. Печь сло́жыла сама́, семь рас переде́лала.*

Ситуация **длительного** действия наблюдается в контексте с наречием *долго* и близкими к нему по значению словами. Кроме того, удвоение глагола тоже в какой-то степени свидетельствует о протяженности действия: *Как-то не за-*

перла́зь до́лго — прибега́йот: где мой топо́р? Че́тыре дня ви́пил — значи́т на́до выга́нивать? Не по́йеду, быва́т, по-ви́жу, а недо́лго и по́видел. Уйёду́ долго. А како́го ра́зу схва-ти́ло как к ло́жэчке, попристу́па́ло да попристу́па́ло. Отстава́ть ста́нет — она́ и соде́рёт, соде́рёт. Фсю жызы́ заста́влена укóлы де́лать.

Данные употребления можно рассматривать как необычные (и даже ошибочные) только с точки зрения письменной формы русского литературного языка. Их распространение в диалектной речи не случайный факт, а особенность устной речи вообще, причем довольно давняя, свойственная русскому языку на ранних этапах его развития [Плотникова 1998] и сближающая его с другими славянскими языками [Петрухина 1998]; [Смирнов 1971]; [Широкова 1998]. Наши многолетние наблюдения над диалектной речью и, к сожалению, несистематические записи разговорной речи носителей литературного языка подтверждают закономерность употребления перфективов в контексте кратности и длительности в спонтанной речи. Мы склонны считать, что проявление аналитизма в видовой системе — это свойство устной речи, имеющее длительную историю.

Литература

- Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
- Петрухина Е. В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках // Типология вида. М., 1998.
- Плотникова О. С. Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии // Типология вида. М., 1998.
- Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Шатуновский И. Б. Повторяемость и вид // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007.
- Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М., 1998.

Диалектные названия, связанные со старинным славянским семейным культом

М. Китанова

Институт болгарского языка, БАН (София, Болгария)

Древний славянский культ, родители, славянские названия

Summary. The focus of this report is on the Bulgarian dialect denominations, which are connected with an ancient Slavic family cult.

В X в. летописец Титмар Мерзебургский писал, что древние славяне почитают домовых духов и приносят им жертвы. Этот факт отмечают этнографы и фольклористы. Славяне, как и многие народы, различают в своих поверьях два разряда умерших людей: родителей и умерших от старости предков, которых уважают, почитают и поминуют несколько раз в год. Они возвращаются в дом, к своим потомкам, в специальные поминальные дни.

В болгарских диалектах встречаются разнообразные названия для родителей: *дедейко*, *наместник*, *стопан*, *тенец*. Домашний дух означает 'хозяин'.

Многие исследователи подчеркивают, что почитание родителей было культом семьи, который позже перерос в ро-

довой, причем древние славяне называли таких покойников «чистыми покойниками» и независимо от возраста — *родителями* [Зеленин 1916]. Некоторые из таких покойников становятся упырями.

В докладе мы рассматриваем слова *чур* (Банат) со значением 'злой дух, упырь' и *оштур* (Асеновградская, Кюстендилская, Ст. Димитровская, Смолянская, Софийская, области и Странджа) 'род, корни, вера'. Оба слова употребляются в проклятиях, причем *чур* только в проклятиях. Слово *оштур* при употреблении в проклятиях означает 'дьявол'.

Н. И. Толстой также рассматривает слово *чур* в некоторых рязанских диалектах: *Чур поганим очом! Чур ему!* [Толстой 1995].

Данное слово встречается и в болгарских топонимах: *Чуриланка*, *Чуруланка*, *Чурка*, *Чуряко* в Радомирской области, *Чурева млака*, *Чуреви ливади*, *Чурев валог*, *Чурев дол*, *Чуревцица* в Г. Делчевской области. Некоторые из них, вероятно, образованы от слова *чурул* 'опухоль на голове от удара', а другие от слова *чуряк* 'место, где есть дым'. Встречаются и топонимы с корнем *кур-*: *Курило* Софийская область, *Курчев валог* Радомирская область, *Курилово* Г. Делчевская область.

В докладе рассматриваются все значения слова *чур* в болгарских диалектах и в диалектах других славянских языков. Мы приводим примеры из работ этимологов (М. Фасмера [Фасмер 1987, 4: 386], О. Н. Трубочёва [ЭССЯ 1977, 4: 134], Д. Н. Ушакова [Ушаков 1958, 4: 1221–1222], Б. А. Успенского [Успенский 1983], В. В. Волиной и др.).

Факты, которые мы рассматриваем, не приводят к абсолютно новой этимологии слова *чур*. Они дают возможность

открыть дополнительную этнокультурную информацию в его семантике.

Литература

- Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.
- Толстой Н. И. *Чур* и *чушь* // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 364–369.
- Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // *Studia Slavica Hungarica*. XXIX. Budapest, 1983. P. 33–69.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1958. Т. 4.
- Фасмер М., Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубочёва. М., 1974–. Т. 4. 1977.

Представления о беременности в севернорусских диалектах

А. Б. Кокконова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Диалектология, этнолингвистика, народная картина мира

Summary. In the paper author analyses the concept of pregnancy in North Russian dialects.

Традиционная культура характеризуется неоднозначным отношением к беременности и к самой беременной. С одной стороны, беременность — это чаще всего счастливое, ожидаемое событие, с другой же — это опасный для женщины период, когда она буквально находится между жизнью и смертью. Такое отношение отражается в следующих высказываниях: *Жэньщина как толькo начинáет носить ребёнка, начинáет носить за собо́й сме́рть. Со́рог оне́й рожэ́нница ходит о́днá но́гá на землэ́, дру́гáя над моги́лой.*

Такие высказывания имеют под собой как реальную основу (из-за отсутствия медицинской помощи при родах действительно умирало много женщин), так и мифологическую. «Беременность воспринималась как постепенное умирание будущей матери, что нашло свое выражение в многочисленных запретах и предписаниях для беременной, свидетельствующих о резком сужении ее жизненного пространства, о ее социальной изоляции» [Баранов, Баранова, Зимина, Мадлевская 2005: 56].

Наступление беременности расценивалось в основном положительно. В традиционной семье должно было быть много детей. Поэтому женщина, которая не может иметь детей, оценивается в народной культуре негативно: *неплóдная, бесплóдная, пустая, порбóжня, порбóзня, беску́рая*. Словом *кура* в архангельских говорах обозначаются женские половые органы, таким образом, не имеющая детей женщина описывается как ущербная в физическом плане, как бы лишняя главного женского органа. Все признаки, характеризующие не имеющую потомства женщину, связаны с пустотой, ненаполненностью.

Наступление беременности описывается метонимически с помощью выражений *на живы́е (мáленькие) но́жки, на живы́е но́жки пойти́, понести́сь*. Внутренняя форма этих выражений может быть прочитана так: первые действия ребенка в утробе матери связаны с тем, что он толкается ножками, как бы давая знать о себе.

На физиологическом уровне наступление беременности представляется как прекращение менструации; в говорах менструация обозначается такими лексемами, как *нарубáшно, красное*. Таким образом, наступившая беременность характеризуется как потеря *рубáшки, красного: Ой, я-то веть рубáху потеря́ла — забере́менела она́, красное-то потеря́ла.*

Представления о беременности связаны с несколькими ведущими семантическими признаками.

Представление о беременности как о **тяжести** прочитывается в глаголах, обозначающих начальный этап беременности: *забере́менеть, оберéменеть, оберéмениться*, проис-

ходящих от корневой основы *беремя* со значением 'тяжесть, ноша'. Тяжесть является одним из ведущих номинативных признаков и при обозначении беременной женщины: *тяжéлая, берéменная, оберéменная*. Ребенок в материнской утробе воспринимается как груз, поэтому беременную называют *гру́зной, в гру́зу, с гру́зом, в тя́гости*.

Беременность как **ношу** представляют обозначения ситуации с глаголами *понести́, понести́сь, заноси́ть*, которые фиксируют начальный этап состояния беременности. Глаголы *таска́ть, натаска́ть, потáскивать, перетаска́ть* описывают беременность как ношение тяжести. Женщина как носительница состояния беременности может быть обозначена прилагательным *понбóсная: Хозя́йка понбóсна бы́ла.*

Беременная носит ребенка положенный срок и **приносит** его в мир, *приноси́тся: Заприноси́ла, и до́лго приноси́ла уш она́. Рожáт-то ны́не, а ра́ньше фсе́ приноси́ца*. Роды описываются как приношение ребенка в мир: *выносы́, принбóс, принбóсы*.

Таким образом, идея «ношения» ребенка реализуется на всех этапах ситуации: женщина *понесла́* ребенка, вследствие чего стала *понбóсной*, когда подошел срок, *заприноси́ла* и наконец *принесла́*.

Эквивалентом беременности в наивной картине мира служит ее физическое проявление — большой **живот** беременной женщины, поэтому наступление беременности описывается с помощью именного компонента *брю́хо* в составе словосочетаний: *брю́хо зака́зано, залбóжно, привязáлось, прильну́ло*. Забеременевшая *дéлается с брю́шиной, брю́хатит*, ее *пузáтит*. Приход в состояние беременности описывается глаголами *забрю́хатеть, обрю́хатеть, обрю́хатиться, обрю́шнеть, опузéть, опузáтеть*.

По наличию большого живота беременная называется *брю́хатой, брю́шиной, пузáстой, пузáтой, пу́зой*.

Одно из самых древних в народной культуре представлений — это представление беременности как **пути**. Беременная представляется посредницей между миром живых и миром мертвых, куда она «отправляется» за ребенком. Такое представление мы видим, например, в тексте заговора-обращения к домовому: *Ба́тюшко-домове́юшко, привезла́ я но́вого челове́чка*. Об этом же свидетельствует обозначение беременности как хождения: *Я уш ходи́ла (беременная), корова́шэз был — во́стро брю́хо. Я ходи́ла Та́ней, но́ги вы́шли ис ходи́л, не могу́ ходи́ть*.

Итак, представление о беременности в народной культуре связано с тремя ведущими номинативными признаками: тяжестью, ношей и большим животом; представление бере-

менности как пути является архаическим и прочитывается лишь косвенно. Ведущие признаки, мотивирующие обозначения беременной женщины, состояния беременности и ее каузации связаны с образными представлениями, которые отражаются во внутренней форме наименований. Яркая особенность связана не только со стремлением «зримо» пред-

ставить описываемый объект, но и с табуированием состояния беременности.

Литература

Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимица Т. А., Мадлевская Е. Л. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005.

Флексија и аналитизам у призренско-јужноморавским говорима Косова и Метохије

Р. Младеновић

Филолошко-уметнички факултет Универзитета у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

1. Област Косова и Метохије карактерише се присуством више српских дијалеката, који су део већих дијалекатских ареала. Наизразитија дијалекатска диференцијација остварена је на југозападу, у јужној Метохији и јужном Косову. Оваква дијалекатска разноврсност последица је природе ивичне области у којој се срећу два дијалекатска комплекса — српски и македонски.

2. Територија Косова и Метохије матична је област двају српских дијалеката — призренско-јужноморавског и косовско-ресавског. Оба ова дијалекта формирана су у двама котлинама — Метохијској и Косовској. За дијалекатске односе ова два дијалекта значајно је да између њих нема значајнијих географских препрека, тако да су локалне сеобе биле веома присутне, што је водило нивелацији дијалекатских система. Овакав лингвогеографски положај утицао је на то да је број очуваних падежних дистинкција у метохијско-косовским говорима призренско-јужноморавског типа највећи у призренско-тимочкој области. Оно што карактерише ове говоре је и развијање неких маркантних иновација које их спајају са косовско-ресавским говорима: уопштено *-e* у Дјд. именица деклинационог *-a* обрасца (*однеси мојејзи сестре, Митар и Слава су деца стареје сестре*), присуство Дјд. са значењем правца у предлошко-падежној конструкцији (*И ми смо ишле как Приштине*), уопштено *-ма* у Дмн. свих именица, развијање опозиције између Нмн. (*јунаци, мужи*) и Амн. / ОПмн. (*јунаце, муже*) именица м. р. на *-ø*, *-смо* у 1л. мн. аориста и имперфекта.

Флексија и аналитизам у метохијско-косовском ареалу призренско-јужноморавских говора у превирању су. Факултативност је различита на локалном нивоу. Поједини падежни облици стабилнији су од других. Поред доброг чувања датива, релативно су стабилни и Гјд. и Лјд. У јужном и централном Косову и највећем делу јужне Метохије довршена је морфолошка диференцијација Нмн. и Амн. / ОПмн. им. м. р. Релативно се добро чува посебан облик за вокатив једине именица м. р. и ж. р.

Више је очуваних падежних дистинкција у једнини него у множини.

Очуваност падежних дистинкција различита је у различитим деклинационим типовима: најбоље је очувана флексија у једнини деклинационог *-a* обрасца, у коме се факултативно срећу сви падежни облици са флексијом, осим инструментала, у коме је падежно значење умерено на препозицију (*с / сас + општи падеж: збори сас жену, копа с матику*). На закључак не утичу окамењени облици инструментала у овим говорима (*девојком кад сам работала; војником кад бија*).

У именицама м. р. на *-ø* са значењем неживог аналитизација је знатније напредовала него у именицама *-a* деклинационог обрасца. И овде се, међутим, у једнини поред датива јављају и локатив уз неке предлоге (*скитасмо по граду, према момку и девојка*), а у Гјд. им. са значењем неживог потврђени су и ређи облици с очуваном флексијом (*буре било од дуба, припуцаше од Урошевца, не мога код нашега моста*).

Именице с. р. доживеле су најизразитији аналитизам. Ретке потврде Гјд. типа *Да чека од свога детета* потврђене су у севернијем делу, који се географски наслања на косовско-ресавске говоре. Флективни Лјд. уз предлоге *по +* и према *+ ређи* у именицама с. р. него код других именица.

3. У области Горња Морава, источно од Косовске котлине (источно од линије Витина — Гњилане — Ново Брдо), формиран су говори са довршеним аналитизмом у деклинацији. Горњоморавски говори имају у оба граматицка броја свих именских речи номинатив и општи падеж (укључујући ту и конструкцију дативског значења *на + општи падеж*). Релативно се добро чува посебан облик за вокатив једине именица м. р. и ж. р.

Говори у Горњој Морави представљају крајњи западни део ареала призренско-јужноморавског дијалекта са изразитим аналитизмом, који северно од Горње Мораве захвата Врање, Јабланички крај и неке области северније. Горњоморавски говори, као и остали говори овог ареала, свој изразити аналитизам дугују контактима са говорима северно-македонског појаса, пре свега онима у Скопској Црној Гори и Куманову, са којима их и иначе повезују и неке друге изгласе.

4. У северном делу Шар-планине, на који се на југу наслањају и Метохијска и Косовска котлина, оформљена су три говора, који су међусобно различити.

У Сиринићу, на истоку, оформљен је типичан призренско-јужноморавски говор метохијско-косовског типа.

У централном делу Шар-планине, у жупи Средска, налази се говор са препознатљивом призренско-јужноморавском основицом, али и са знатнијим аналитизмом и продором морфолошких македонизама.

На југозападу је оформљен горански говор, који укупном структуром представља периферни западномакедонски говор са инфилтрацијом српских црта. Оно што удаљава горански говор од македонских говора је присуство већег броја падежних дистинкција него у било ком македонском говору: очуван је датив оба броја свих именица са значењем намене и посесије, уз неке предлоге чува се и флективни Гјд. деклинационог *-a* обрасца (*спала у наше Иметице*), чува се генитив заклетве (*Жими душице материне*), потврђени су и слаби трагови Лјд. Већа отпорност на аналитизацију у горанском говору наслањање је на стање у флексији у друга два северношарпланинска говора, али и на јужно-метохијски ареал. Додуше, флективни Дјд. присутан је и у мањем делу западномакедонских говора, али са знатно суженом употребом — јавља се само од личних имена, а у неким говорима и од именица са значењем сродничких односа.

У сретечком и горанском говору у Дмн. није остварен продор двојинског *-ма*, већ се јавља падежни облик који је континуитет некадашњег Дмн. (*женам*).

На ободу Шар-планине према јужној Метохији оформљен је говор мешавинског типа у трима насељима у Подгори, настао контактом јужнометохијске супстрата и горанског адстрата. За подгорански говор карактеристично је знатно присуство форманта *-ма* у Дмн., затим опстанак генитива заклетве (*Жими главе братове*).

5. Опис односа флексије и аналитизма у говорима Косова и Метохије заснива се на стању до 1999. године, када су припадници српских дијалеката прогнани. У овом тренутку српско (словенско) становништво знатно је прорешено на Шар-планини. У јужној Метохији и јужном Косову Срба практично нема. Српских енклава, не тако бројних, има у централном Косову и Горњој Морави. Трагичне околности учиниле су да овај прилог добије карактер лингвистичке археологије српских говора у центру српске средњовековне државе.

Смоленские говоры в исторической ретроспективе

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Говоры, лексика, история, заимствование

Summary. The report is devoted some aspects of history of the borrowed lexicon of Smolensk dialects.

Общезвестно, что территория смоленских говоров по их принадлежности к белорусскому или русскому языку в истории неоднократно менялась. Е. Ф. Карский проводил границу между белорусскими и великорусскими говорами по южным частям Опечецкого, Великолукского, Торопецкого уездов Псковской губернии, по юго-западным окраинам Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии, далее он относит к белорусским территориям Бельский, Почерский, Духовщинский, Смоленский, Красненский, Рославльский, Дорогобужский, Ельнинский уезды Смоленской губернии, при прохождении по западной части Жиздзинского уезда Брянской губернии.

Причем, если по диалектному членению русского языка 1915 года смоленские говоры в восточной их части отнесены к диалектам белорусского языка, а в их западной части к говорам, переходным от белорусских к южновеликорусским. В настоящее время, как отмечают авторы «Словаря смоленских говоров», «в речи сельского населения северо-западных районов области (Велижского и отчасти Демидовского) могут быть обнаружены черты северновеликорусского наречия (цоканье, чоканье), то у жителей юго-восточных и южных районов (Ельнинский, Починковский, Рославльский, Шумяцкий), напротив, отмечается произношение, типичное для южновеликорусского наречия. В северо-восточных и восточных районах (Сычевский, Вяземский, Гагаринский) ощущается сильное влияние средневеликорусских переходных говоров, на границе же с Белоруссией (в Монастырщинском, Хиславичском, Руднянском районах) фонетическая система говоров близка к фонетической системе белорусского языка и его диалектов» [ССГ, 1: 50].

К настоящему времени имеются возможности сопоставления лексических данных, записанных в начале XX века [Добровольский] и данных современных лексикографических источников [ССГ], [СРНГ]. Кроме того, имеются авторские диалектные записи смоленских говоров. В 2002 году были обследованы некоторые районы Смоленской области: Дорогобужский (Ивашутино), Сафоновский (Путьково), Вяземский (Степаньково, Относово), Сычевский (Полежаевка), Ростиславльский (Пригорье), Демидовский (Понизовье), Знаменский (Заречье, Русаново).

В данной работе предполагается проанализировать некоторые данные по заимствованной лексике в смоленских говорах. Естественно, что сопоставительное исследование лексики на основе данных словарей не всегда может предоставить полные сведения по словарному составу диалектного лексикона. Так, например *римáрь* 'шорник' (Вяз.), представленная в [ССГ], но отсутствует в словаре Добровольского, хотя имеется у Даля — *римáрь* 'шорник' Зап. [Даль], что подразумевает существование слова в данных говорах. Отмечается также русск. диал. *лимáрь*, Зап., Южн. [Даль], белорусск. *ліма'р'*, польск. *rymarz* из ср.-в.-нем. *rieter* от нов.-в.-н. *Riemen* 'ремень' [Фасмер, 3: 484].

Имеются случаи, когда одно неисконное слово заменяется другим, более новым. Причем, нередко, отсутствие / наличие какого-л. слова связано с особенностями трудовых реалий. Так, например, в словаре Добровольского имеется только лексема *рея* 'овин' [Добровольский, 791], наряду с *рея* и *рей* 'большой крытый сарай для хранения и обмолота снопов' Вяз., Дем., Дух., Рудн., Вел., Смол., Ярц. [ССГ, 9: 13, 132], тогда как по поздним данным фиксируется с обширными фиксациями слово *рига* 'большой крытый сарай для хранения и обмолота снопов' Вяз., Росл., Дор., Ельн., Красн., Мон., Поч., Саф., Смол., Сыч., Угр., Х.-Ж., Ярц. [ССГ, 9: 134]. Причем, последняя единица широко представлена в русском языке, а ее распространение информанты связывают с колхозным строительством, начиная с 30-х годов XX века: *рига* «большой крытый сарай для сушки

снопов и обмолота» [БАС]. Отмечается также на территории Псковской области является недавней инновацией — в Гдовском районе, при доминировании лексемы *рей*. Лексема *рига* сопоставляется с прибалтийско-финскими источниками, ср. фин., кар. *riihi*, род. п. *riihen* 'то же'. Слово проникло также из фин. в швед. *ria*, литов., латыш. *rija*, прибалт.-нем. *Riege* [Фасмер, 3: 482]. Тогда как для лексемы *рея* имеются соответствия белорусск. *рея* 'то же' Гродненск., Минск., при эстонском первоисточнике, ср. эст. диал. *rei*, род. п. *reia* 'то же'. Предполагается, что в распространении эстонского слова в белорусских районах сыграли также роль балтийские данные, ср. литов. *rija*, латыш. *rija*.

В смоленских говорах присутствует заимствованная лексика, являющаяся, нередко, общей для украинского, белорусского, польского языков. Это относится большей частью к германизмам и некоторым тюркизмам.

Например, *рина* 'желоб водяной мельницы, с которого вода падает на мельничье колесо': — *Заставку откинули — вода побегла в рину*. Смол., 1914 [СРНГ, 35: 103]. Ср. материалы ССГ: *рыно́* 'желоб из досок, по которому вода стекла на мельницу' (Хисл. Городище), при сходных данных: белорусск. *рина* «желоб или водяной мешок в водяной мельнице, устраиваемый наклонно с целью дать стремительное падение воде на мельничное колесо»; укр. *ринва* 'в водяной мельнице — сбитый из досок желоб, по которому вода из локотів течет на колесо'. Фасмер анализирует лексему *ры́нва* 'водосток, канава' (Южн.), возводит через польск. *rynwa* 'желоб' к ср.-в.-нем. *rinne* 'желоб' [Фасмер, 3: 529].

Представлены в смоленских говорах тюркизмы: *карба́ч* [Добровольский], Росл. Вяз. [ССГ, 5: 17], *карба́ч* 'кнут, плетть, хлыст' Зап. (Даль). *Старых стариков толкачом, Молодых молодок карбачом*. Смол. [СРНГ, 13: 81]. Имеются сходные данные в некоторых славянских языках: укр. *карба́ч*, белорусск. *карба́ч*, польск. *karbacz* 'нагайка', сербохорв. *кòрба́ч*, которые рассматриваются как тюркское заимствование, ср. турец. *kirbaç*, *kirpaç* [ЕСУМ, 2: 388], турец. *kyrbaç* [Фасмер, 2, 195].

Имеются единичные фиксации лексики финно-угорского происхождения. Причем по источникам XIX века такого рода данных представлено больше, чем по поздним, например *марду́й* 'черт, нечистая сила' Росл. Смол. [СРНГ, 17: 370]. *Морду́й* Росл. Смол. [СРНГ, 18: 260]. Слово *марду́й* сопоставляется с эст. *pardus* 'привидение; дурная примета; зловещий голос', которое дальше сводится с фин. *marras* 'что-л. близкое к смерти'. Ср. также эст. диал. *mardajus*, *mardavus*, *mardaus* 'дух, показывающийся к несчастью или к смерти'.

При единичной фиксации лексемы *карзинка* 'лесенка, по которой взбирались на печь' (Гаг. Карманово) [ССГ, 5: 17], данное гнездо в сходных значениях широко представлено в смежных говорах: *карзина* 'подполье' Волог., Новг.; 'ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий люк в подполье с подъемной крышкой' Новг. Твер.; «лестница на печь» Белозер., Устюжен. Новг., Великолукск. Пск. [СРНГ, 13: 90]. Имеются также варианты *каржина*, *каржинь* со сходными значениями. Возводится к фин. *karsina* 'подполье'. Вариант с [ж] соотносится с кар. *karžina*, а с [з] с ливв. *karzina*, вепс. *karzin* 'подполье'. По данным говоров Московской области, слово *карженка* связывается с глаголом *карзать*. Вариант с [з] в севернорусских говорах восходит к этимонам вепсского типа, ср. вепс. *karz'in* 'подвал, подполье', однако материалы ижорского и водского языков, несмотря на схожесть форм слов с русскими соответствиями, следует исключить из-за расхождений в семантике, ср. водск. *karsin* 'ясли, решетка для корма, помещение для овец, свиней', ижор. *karsina* 'огороженное место в хлеву для свиней, овец, телят', 'ясли, кормушка'. Довольно широкий

ареал вариантов *каржина* и *карзина* — тверские говоры, большая часть говоров Новгородской области, часть ярославских, часть говоров Подмосковья, белозерские говоры и часть псковских говоров, причем, в основном, с семантикой, не имеющей соответствий в прибалтийско-финских языках — ‘ящик-лежанка у печи, имеющий люк в подполье’, заставляет предположить влияние субстрата балтийского типа. В прибалтийско-финских языках это гнездо неисконно и является результатом балтийского воздействия, ср. литов. *gardinys* ‘загородка в хлеву, ограда для скота’, латыш. *gards* ‘ясли, кормушка’, причем близкую семантику сохранили водский, ижорский (см. выше), финский (фин. *karsina* ‘ограда, огороженное место в хлеву’), эстонский (эст. диал. *karsin*, *kardin* ‘огороженное место в углу хлева для свиней, телят’), а карельские и вепские диалекты имеют преимущественно значение ‘подполье’.

Диалектная вариантность в аспекте динамики современных говоров

Е. А. Нефёдова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Русские говоры, стабильность, вариативность, языковая политика

Summary. The report addresses certain issues related to the peculiarities of the evolution of modern dialects; determines the zones of lexical stability of dialect systems; notes the functional significance of conversational everyday vocabulary.

Положение диалектов в современной языковой ситуации составляет предмет активного научного обсуждения. Оно отражено в работах Г. П. Нешименко, Л. Э. Калнынь, Т. И. Вендиной, Л. Л. Касаткина, А. Ф. Журавлева и др. Исследования показывают, что лингвистические прогнозы об отмирании, нивелировании диалектов, бытовавшие в науке в середине прошлого столетия, в настоящее время не находят подтверждения. Эти прогнозы опровергаются реальными процессами, протекающими в говорах не только русского, но и других славянских языков [Вендина 2010]. Материалы региональных словарей и Лексического атласа русских говоров, материалы экспедиции последнего десятилетия также свидетельствуют о том, что «похороны» диалектов по меньшей мере преждевременны.

В современных русских говорах протекают эволюционные процессы, в результате которых складываются новые формы диалектного общения. Говоры утрачивают яркие диалектные черты, но при этом сохраняют свою территориальную окрашенность.

Некоторые лексические пласты говора характеризуются относительно хорошей степенью сохранности. В этом плане показательны старейшие, ядерные участки лексико-семантической системы говоров. Это семантические зоны, обладающие, по выражению А. Вежибицкой, высокой «культурной разработанностью», которая проявляется, в частности, в репертуаре мотивов номинации, в специфике таксономических отношений. К семантическим зонам хорошей сохранности можно отнести, например, лексику природы: названия рельефа, осадков, ветров, грибов, растений, насекомых и т. д. Народная таксономия объектов природы отличается от таксономии, отражающей знания носителей литературного языка. Особенности характера лексической дифференциации фрагментов мира природы отражают своеобразие номинативной логики, своеобразие категоризации окружающего мира, присущей диалекту и отличающейся от литературного языка. Дифференцированная система номинаций, свойственная говору, не разрушается и не подвергается заметному влиянию литературного языка в силу необходимости лексических средств, с большой подробностью представляющих практически важные области жизни человека.

В современных говорах также хорошо сохраняются особенности объема и содержания универсальных базовых понятий общечеловеческой значимости. Причина устойчивости диалектов к влиянию литературного языка объясняется своеобразием традиционной народной культуры, своеобразием диалектной картины мира, несовпадением характера осмысления действительности говорами и литературным языком.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
 Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955–1956.
 ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови: У 7 т.* Київ, 1982–.
 Добровольский — *Смоленский областной словарь / Сост. В. Н. Добровольский.* Смоленск, 1914.
 ССГ — *Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой.* Вып. 1–. Смоленск, 1974–.
 СРНГ — *Словарь русских народных говоров. Вып. 1–24 / Гл. ред. Ф. П. Филин; ред. Ф. П. Сорокалетов. М.; Л., 1965–1989. Вып. 25–41 / Гл. ред. Ф. П. Сорокалетов. СПб., 1990–2007.*
 Фасмер — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.*

Однако трудно отрицать, что в современных говорах уходят в пассивный запас и постепенно утрачиваются многие слова, связанные с обозначением реалий старого, фактически уже разрушившегося крестьянского уклада. Это прежде лексика терминологическая, связанная с традиционными народными промыслами, обрядами и обычаями. Следствием забвения этапов соответствующих процессов и обрядов и постепенной утраты их обозначений является редуцирование состава ЛСГ, нарушение четкой противопоставленности их компонентов, диффузность и «мнимая» полисемия изначально однозначных терминов.

Вместе с тем, в быт и сознание носителей диалекта входят новые реалии и понятия, а с ними и номинации, заимствованные из литературного языка. Освоение новой лексики обычно не проходит безболезненно, оно может сопровождаться деформацией слова, его формы и семантики. Отмечены также факты перестройки диалектных микросистем, связанные с усвоением литературных значений общерусских слов (например, исконно несвойственное говорам значение слова *погода* ‘общее состояние атмосферы’ [Нефёдова 2008]).

На фоне этих процессов в реальной коммуникации на первый план выдвигается лексика разговорно-обиходного характера, употребляемая в повседневном общении носителей диалекта. Эта лексика обслуживает прежде всего сферу межличностных отношений в узко ограниченном коллективе (семья, соседи), что определяет ее экспрессивную окрашенность. Разговорно-обиходная лексика диалекта имеет много общего с лексикой просторечия и разговорной формы литературного языка, но при этом обладает и местной, локальной спецификой. Разговорно-обиходной лексике свойственна формальная и семантическая вариативность, поддерживаемая устной формой существования говоров, отсутствием в них кодифицированной нормы. Наблюдения над лексикой архангельского региона свидетельствуют о том, что ее вариативность складывается во многом из лексических и семантических вариантов **общерусских слов** или региональных слов, образованных **из общерусских морфем** по продуктивным словообразовательным моделям.

Как представляется, **функциональная, коммуникативная значимость** обиходно-разговорной лексики, образованной на основе общерусского инвентаря корневых и аффиксальных морфем, является одной из отличительных особенностей современных говоров, в которых складываются новые формы речевого общения.

Таким образом, несмотря на существенные изменения в диалектных системах, нет оснований говорить о непосредственном переходе с диалектного общения на литературное.

Диалекты не умирают, они меняются, вступая в новую фазу развития, как и национальный язык в целом [Гольдин 2000].

В последнее время в науке все больше утверждается взгляд на диалект как на идиом, равноправный с другими идиомами национального языка. Такая оценка, исключает высокомерное отношение к диалектному языку и, следовательно, к тем, кто им пользуется. Исследования доказывают, что диалектный язык идеально приспособлен для осуществления коммуникативных функций на территории своего существования. Одна из задач, стоящих перед диалектологами и, шире, лингвистами — способствовать формиро-

ванию языковой политики, рассматривающей современные диалекты как живую, развивающуюся, изменяющуюся ветвь национального языка.

Литература

- Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000.
 Вендина Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2010. СПб, Наука, 2010.
 Нефёдова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

Бильни и животињски свет у свадбеним обичајима Рађевине

М. Петровић-Савић

Институт за српски језик САНУ (Београд, Србија)

Рађевина, шумадијско-војвођански дијалекат, свадбени обичаји

Summary. The subject of our research is lexical aspect of flora and fauna in the wedding ceremonies of Radjevina. Radjevina is small area in the north-west part of central Serbia. The aim of our work is recording vocabulary based on wedding terminology of this small territory. The paper is going to be divided in two parts: one dedicated to floral elements, and the other dedicated to the animal world which is included in observed customs. The paper is going to be finished with an index of all the words collected along with their lexicographical definitions.

У уводу ће бити речи о томе где се налази испитивана област и навешће се основне дијалекатске црте посматраног терена. Предмет истраживања јесте бильни и животињски свет у свадбеним обичајима Рађевине. Циљ рада јесте бележење како лексема тако и обичаја који су с њима у вези. Битно је све то забележити, а самим тим и сачувати од заборава јер се обичаји убрзано губе и у сеоским срединама. Млади су све мање соремни да поштују одређене

обичаје који су некада били врло живи на посматраном терену. После увода, у раду ће бити део који је посвећен билькама, тј. бильном свету у свадбеним обичајима и део који се тиче присуства животињског света у овом делу животног циклуса. На крају ће бити дат регистар забележених лексема са дефиницијама које су у вези са посматраном темом, тј. са њиховом употребом у овом делу животног циклуса.

КорУДиТ: корпусное представление диалектных текстов

Е. Б. Сирук

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Диалектний текст, корпус, разметка, український язык

Summary. The paper is devoted to the methodology of building a Corpus of Ukrainian Dialect Texts (CorUDiT). Our investigation focuses on the peculiarities of the representation of dialect texts and on the future trends of the development of the CorUDiT. The testing of the systematic treatment of dialect texts is done on the author's dialect text collection representing the West Volynian dialect region.

Актуальность использования текстовых корпусов и компьютерного инструментария в исследованиях языка на современном этапе развития языкознания очевидна. Корпус текстов обеспечивает исследователя репрезентативной выборкой, единицы которой могут быть проанализированы по лингвистическим и количественным характеристикам. Корпусная методика исследования диалектных текстов — применение методов и инструментария корпусной лингвистики к области текстовой диалектологии — является синтезом, взаимодополняющим объединением этих двух направлений, которое обеспечивает комплексность диалектологического исследования, его масштабность, частотную проверенность и обоснованность выводов, их прозрачность, а также скорость получения результатов.

Идею создания диалектного корпуса текстов как оптимальной базы для сохранения и обработки текстового материала мы воплощаем в виде «Корпуса украинских диалектных текстов» (КорУДиТ). Целью диалектного корпусного проекта является восстановление семантической непрерывности в исследовании говоров путем дополнения текстовыми данными, полученных с помощью вопросников, а также обеспечение исследователя базой (структурированным языковым материалом и компьютерным инструментарием) для многоуровневого анализа диалектного языка, в частности фонетических, морфологических, синтаксических, семантических, стилевых черт на разных этапах его функционирования. Это предполагает такие шаги, как сведение в одной базе данных совокупности выявленных по разным источникам украинских диалектных текстов, дальнейшая обработка этих текстов как элементов единой лингвистической информационной системы, а также обеспечение оперативного доступа пользователей к такому источнику языковых дан-

ных. КорУДиТ является составляющей «Корпуса текстов украинского языка» (КТУМ), над созданием которого работают специалисты лаборатории компьютерной лингвистики Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Сейчас мы разрабатываем методику составления КорУДиТ и занимаемся созданием его сегмента на текстовом материале западноволыньских говоров Украины объемом около 100 тысяч словоупотреблений. Задача состоит в том, чтобы с помощью соответствующего программного обеспечения сделать доступными для корпусной обработки зафиксированные на бумаге или кассетах диалектные тексты путем их перевода в компьютерную форму. Тексты нужно обеспечить соответствующими внешними (автор, информация об издании или текстотеке, о записывателях и информаторах, анкета текстов и т. п.) и внутренними, или структурными, маркерами (номер, начало и конец текста, раздела, абзаца, предложения, слова и т. п.), а также комплексом собственно лингвистических разметок (морфологических, синтаксических, семантических и др.) [Siruk 2012]. Тексты в КорУДиТ имеют три вида, согласно которым формируются три взаимосвязанных подкорпуса. Тексты в фонетической транскрипции формируют подкорпус транскрибированных диалектных текстов; который более всего заинтересует диалектологов. У литературизированной (орфографической) записи, как и у подкорпуса диалектных текстов в орфографической записи, — более широкая аудитория; предполагается возможность исследовать стилизацию художественного текста под говор и разговорный стиль в рамках корпуса устного украинского языка. Тексты в записи, максимально приближенной к литературному языку, формируют подкорпус диалектных текстов, «переведенных» на современный

литературный язык Этот подкорпус может применяться так же, как и орфографический подкорпус; он также необходим для автоматической разметки текста в целом и в частности для корректной работы автоматического морфологического анализатора, рассчитанного прежде всего на тексты украинского литературного языка.

Для автоматизированного формирования параллельных текстов предусмотрена специальная программа, которая на базе фонетической транскрипции или орфографической записи создает два других текста согласно разработанным для группы тестовых говорів правилам базовой трансформации текстов. Эти правила можно применять для текстов других говорів и пополнять по потребностям для конкретного говора.

Для сохранения логики изложения и дальнейшего исследования лингвистических изменений в коммуникации на стыке двух разных стилевых разновидностей речи мы включаем в корпус как текст информатора, так и текст записывателя (задание темы разговора или вопросы, на которые отвечает информатор). При отсутствии слов записывателя смысловая канва разговора искажается, возникает опасность отождествления с нормами говора повторенных за информатором вопросных фраз и конструкций, которые в иных коммуникативных ситуациях не употребляются, последовательно заменяясь на другие, не характерные для литературного стиля, но природные для говора.

Сегодня украинская компьютерная диалектология находится на этапе формирования; корпусов украинской диалектной речи нет, как нет и публикаций на эту тему. Немного подобных исследований и для других славянских языков [Сірук 2011]. Поэтому и теоретические принципы, и практическая реализация нашего корпусного проекта являются новаторскими не только для украинской диалектологии и корпусной лингвистики, но и с какой-то мерой для славянской диалектологии в целом. КорУДиТ призван обеспечить исследователя текстовым материалом и программным инструментарием для сравнения диалектного языка с литера-

турным, говорів между собой, а также текстов одного говора вплоть до изучения идиолектов отдельных его носителей. В сочетании с другими лингвистическими программными средствами КорУДиТ может быть основой для комплексного исследования украинского языка на определенном этапе его развития. С помощью качественно-количественного анализа размеченных текстов можно сделать статистически обоснованные выводы относительно функционирования определенного явления в определенной среде временного и пространственного континуума. Методика обработки диалектного текста, которая используется в КорУДиТ, дает возможность сформировать и обрабатывать параллельно три взаимосвязанных подкорпуса. Корпус является базой для создания различных выборок, на основе которых можно составить диалектные компьютерные алфавитные, тезаурусные, гнездовые, частотные словари и картотеки, сетевые информационно-поисковые системы, а также сделать проекцию корпусных данных на лингвистические карты.

Развитие проекта предусматривает выполнение таких задач, как шлифование методики обработки диалектных текстов с целью многоуровневого максимально точного их маркирования; разработка соответствующего программного обеспечения и онлайн-интерфейса, «дружеских» как для диалектологов, так и для пользователей более широкого профиля; наполнение корпуса диалектными текстами всех регионов Украины и украинских говорів за границей. Планируется также стабильное пополнение КорУДиТ диалектными текстами, собранными во время диалектологической практики, для обеспечения диахроничности корпуса. Одним из приоритетных направлений развития КорУДиТ является размещение корпуса в сети Интернет.

Литература

- Сірук О. Б. Слов'янська корпусна діалектологія: історія та перспективи // Мовні і концептуальні картини світу. 2011. № 36.
 Siruk O. Corpus of Ukrainian Dialect Texts (CorUDiT) as a component of a Corpus of Texts of the Ukrainian Language (CTUL) // Prace Filologiczne LX. Warszawa, 2012.

Донская географическая терминология на восточнославянском фоне

М. В. Флягина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Ареал, ареальная дистрибуция, диалектная зона, лексические схождения, лексические параллели

Summary. Currently, much attention is paid to geographical mapping of geographic appellatives in order to establish patterns in the placement of these lexical items on the map of Russian and Slavic dialects. Areal and semantic analysis of Don geographic vocabulary showed the complexity and heterogeneity of linguistic landscape of the Don dialectal zones. In a traditional layer of Don dialects are marked along with the South Russian lexical features of north-central Russian and dialects, indicating the possible involvement of people from the North provinces in the population of Don territory.

Проблема изучения народной географической терминологии русских говорів не нова. Систематическое изучение географической лексики проводится в нескольких направлениях: выявление особенностей лексем, обозначающих различные географические реалии (положительные и отрицательные формы рельефа, водные объекты), определение их ареальной дистрибуции с последующим построением изоглосс, наблюдение над семантическими процессами, происходящими в этой группе лексики, пересмотр ранее предложенных этимологий и установление новых и некоторые другие. Большинство исследователей исходит из убеждения, что местные географические термины являются неисчерпаемым источником для пополнения наших знаний об особенностях мировосприятия диалектоносителей, что народная географическая терминология содержит в себе глубинные познания человека о ландшафтных особенностях окружающего его мира и зачастую более точно, детализированно, информирует о географическом объекте. В последние десятилетия большое внимание уделяется картографированию наименований географических объектов с целью установления закономерностей в размещении указанных наименований на лексической карте русских и (еще шире) славянских говорів.

Географическая терминология донских говорів (вторичных по происхождению), в основе своей унаследованная из

материнских говорів, со временем выработала ряд черт, отличающих ее от подобных систем, представленных в других русских говорах, и определяющих ее специфику. Опосредованность значений донских народных географических терминов условиями географической среды выразилась, во-первых, в процессах дестимологизации и демотивации терминов, вследствие чего известные наименования закрепились за топообъектами, сходными по каким-либо признакам с исконно обозначаемыми, но не идентичными им, во-вторых, в изменении семантической амплитуды географических лексем, в результате чего последние либо развили на основе первичных новые значения, либо утратили ряд сем, сохранив актуальные, характеризующие местную топоструктуру. Вместе с тем, в системе донской географической терминологии (как и в других группах донской лексики) сформировался значительный слой узколокальных, собственно донских географических апеллятивов.

Сопоставление географических апеллятивов по территориальной маркированности дает основание для следующих обобщений: в донских говорах гораздо больше южнорусских (или преимущественно южнорусских) слов. Общность народной географической номенклатуры помимо собственно лингвистических факторов обусловлена экстралингвистическими причинами — сходством геоморфологического строения южнорусских земель (хотя и самым общим). Та-

ким образом, географическая терминология указывает на то, что донские говоры по своему характеру примыкают в основной своей массе к южновеликорусскому наречию.

Детальный анализ ареальной истории донских географических апеллятивов выявил, однако, крайнюю неоднородность их состава, вызванную объединением в одном ареале слов, имевших в материнских говорах разную локализацию. Поэтому определить с точностью, из каких именно говоров наименование проникло на Дон на данном этапе в большинстве случаев не представляется возможным.

Между тем удалось определить некоторые очевидные изоглоссы и диалектные схождения донских говоров (на лексемном и более лексемно-семемном уровнях), наиболее прочными из которых, по нашим наблюдениям, являются доно-воронежские и доно-орловские лексические связи. Ареалы распространения лексем, имеющих лексические параллели в воронежских говорах, в донских диалектах — преимущественно верхне-среднедонские и среднедонские говоры. Отдельные наименования свидетельствуют о связях донских говоров с другими говорами южнорусского наречия. Доно-орловские лексические схождения представлены лексемами *гиря, глудка, отрог, полог, ровчак, кабичка, доно-рязанские* — лексемами *бугорчик, колодезь, грудка, музга, доно-брянские* — лексемами *провалье, копец, крутель*.

Помимо очевидных лексических схождения донских говоров с русскими диалектами нами отмечено большое количество слов, свидетельствующих о влиянии на донскую лексическую систему украинского языка и его диалектов. Доно-украинские схождения представлены такими географическими наименованиями, как *скель, став, чичора, итиль, кут, прогной, могила, палубки* и др. Некоторые из географических апеллятивов, украинских по происхождению, широко представлены на территории других южнорусских говоров, поэтому пути их проникновения на Дон (прямо или опосредованно) с точностью определить невозможно (ср. *байрак, балка, криница, полонка, падина, сага*). Общепринятым считается мнение о нижнедонском и донецком ареалах влияния украинского языка.

В процессе ареально-семантического анализа донских орфографических и в большей мере гидрографических апеллятивов отмечено некоторое количество наименований, сближа-

ющих донские говоры с среднерусскими и севернорусскими диалектами и указывающих на наибольшую близость с говорами западных и северо-западных диалектных зон. Наибольшее число лексических соответствий донских терминов отмечается в псковских и тверских говорах. Доно-новгородские схождения представлены некоторыми «озерными» и тельмографическими апеллятивами. Указанные апеллятивы отмечаются преимущественно на территории ниже-среднедонской и чирской диалектных зон. Таким образом, определение локализации севернорусских наименований на донской территории может способствовать выявлению зон особо активного севернорусского влияния и очагов возможного размещения северян в период формирования донского диалектного континуума.

Особый интерес вызывают географические названия, этимологически связанные с финно-угорскими языками (*май-на, вайгак*). Таких апеллятивов немного, но они, по нашим наблюдениям, отличаются активностью употребления и, что особенно важно, четкой локализацией на территории донской диалектной зоны. Вероятно, указанные наименования проникли на Дон с северных территорий и могут свидетельствовать об участии северян в заселении края.

Немалое число донских изолекс находит свое продолжение в восточных — поволжских, сибирских и уральских говорах (*огибь, опечек, протока, угорье, низмень, откосина, отножина, пролобь, поды, понос, лопатина, прорань, ильмень, баклужа, осередок, венец, россыть* и нек. др.), что обусловлено историко-этнографическими факторами, главным из которых являются миграции казаков в разные периоды их существования. Теми же причинами можно объяснить и лексические связи донских говоров с говорами, находящимися к югу от Дона — кубанскими, терскими.

В целом лингвогеографический анализ донской географической лексики показал сложность и неоднородность языкового ландшафта донской диалектной зоны и с очевидностью выявил целесообразность дальнейшего исследования путей формирования словарного состава донских говоров (на примере других групп лексики), а также обнаружения очагов первичного возникновения лексических единиц, что в конечном итоге, несомненно, станет существенным продвижением в плане определения особенностей формирования самого донского диалекта.

Явление гиперизма в говорах восточнославянского типа Северного Приазовья

И. Ходыкина

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Говоры Северного Приазовья — говоры новой формации в диалектной системе украинского языка. Об актуальности их изучения свидетельствуют работы Я. Д. Нагина, С. Ф. Самойленко, В. А. Чабаненко В. Н. Пачевой др., однако исследования этих авторов были направлены лишь на собственно украинский тип диалектных единиц. Северно-приазовские говоры в сравнении с другими говорами юга Украины находятся в начальной стадии научного интереса, они привлекают этническим многообразием местного населения (украинцы, русские, болгары, албанцы, поляки, гагаузы, греки, евреи, чехи, крымские татары и др.) и неоднородностью диалектических элементов, соответственно дают возможность их исследования в этимологическом, типологическом, ареальном и др. аспектах.

В диалектологии принято считать, что гиперические явления в лексикализованной форме особенно заметны в говорах, претерпевших процессы смешивания разных диалектных элементов. В литературном варианте гиперизмы (гиперкорректности) рассматриваются как неправильные исправления звуков в словах, чаще всего заимствованных. Следует отметить, что явление гиперизма не принадлежит к регулярным звуковым изменениям, поскольку возникает лишь как результат отталкивания от диалектных «неправильных» форм чаще всего на диалектных стыковках или

в говорах мозаического вкрапливания в среду говоров другой диалектной системы.

Среди гиперических явлений, которые могут наблюдаться как в вокализме, так и в консонантизме, исследуемым говорам характерны гиперизмы преимущественно в области вокализма. Хотя ярко они выражены в речи старшего и самого старшего возраста, но совершенно не свойственны средней и младшей группам носителей этих говоров. Гиперизмы в говорах Северного Приазовья охватывают очень ограниченное количество слов, гиперических изменений согласных не обнаружено, помимо слов типа *ряма, гряд, орох*.

В современном языкознании общепринятым является определение гиперизма как сверхправильной формы, которую использует говорящий, чтобы не ошибиться в своем высказывании литературным языком. Гиперические явления менее всего исследованы. В говорах бердянского ареала, как и в других говорах и Северного Приазовья, выделяются три разновидности гиперизмов: 1) оканье; 2) аканье; 3) иканье.

Следует отметить, что проявляют себя эти явления неодинаково и непоследовательно.

«Оканье» как следствие отталкивания от «уканья» выступает очень редко во всех бердянских говорах и то только в речи представителей самой старшей возрастной группы в словах типа *отюх, бомага* (с. Берестовое). Само явление ги-

перического оканья в исследуемых говорах пассивно. Например, в русском типе северно-приазовских говоров зафиксирован лишь один случай употребления прилагательного *обогий* — *убогий* («бедный») в живой речи используется как субстантивированная единица.

«Оканье» как отталкивание от «аканья» широко употребляется в говорах и охватывает речь представителей старшей возрастной группы, например *обрюкоса*, *окация*, *окушерка*, *оптека* (с. Берестовое, с. Карла Маркса, с. Успенвка).

«Аканье» распространяется в бердянских говорах под влиянием диалектов русского языка (переселенцы воронежской губернии) а также под влиянием длительного функционирования русского языка как государственного на данной территории, например: *в[Λ]йна* — *война*, *х[Λ]дили* — *ходили*, *п[Λ]друга* — *подруга*, *ж[Λ]на* — *жена* (свойственно для всех бердянских говоров).

«Иканье» соответственно к нормативным [о] и [э] (случаи фонетически немотивированного перехода [о] в [и] в закрытых и открытых слогах) зафиксировано в речи носителей бердянских говоров самого старшего возраста, например: *бирить*, *дохтур*, *сило* и др.

Различные интердиалектные смешивания и интердиалектные контакты среди северно-приазовских говоров (идентично к степному говору) обуславливают выявление тех фонетических процессов, которые в других украинских диалектах находятся в стадии зарождения.

Таким образом, гиперизмы в говорах исследуемого ареала на современном этапе развития общенародного языка характеризуются несистемностью. Тот факт, что они не фиксируются в речи младших и средних носителей говоров, дает основание сделать вывод о вытеснении гиперизмов в говорах литературными словами.

Slovenské nárečia v kontexte Celokarpatského dialektologického atlasu¹

J. Dudášová-Kriššáková

Inštitút rusistiky, ukrajinistiky a slavistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove (Prešov, Slovensko)

Carpatism, dialectological atlas, lexico-semantic level, Carpatian language environs

Summary. Slovak Dialects in the Context of Carpatianwide Dialectological Atlas. Carpatianwide Dialectological Atlas is a significant international project, which is oriented on research of carpatisms on lexico-semantic level of dialects of Carpatian language environs. The network of points is made up of 210 localities from the territory of Polish, Moravian, Slovak, Ukrainian, Moldavian, Serbian and Macedonian dialects. The work had been finished and the output of this project comprises: questionnaire (1981), introductory volume (1987) and seven volumes of atlas (1989–2003).

Slovanský jazykový atlas [Общеславянский лингвистический атлас (ОЛИА)] а **Celokarpatský dialektologický atlas** [Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА)] predstavujú dve významné diela slovanskej a svetovej lingvistiky druhej polovice 20. storočia. Myšlienka o lingvogeografickom výskume slovanských jazykov (dialektov) vznikla v dvadsiatych rokoch 20. storočia. Na 1. zjazde slovanských filológov v Prahe roku 1929 v rámci lingvistickej sekcie sa diskutovalo o Tézach Pražského lingvistického krúžku (PLK), v ktorých autori sformulovali základné princípy modernej jazykovedy, opierajúce sa o teoreticko-metodologické východiská štrukturalizmu.¹ Do okruhu tém modernej jazykovedy patrili otázky fonetickej a fonologickej transkripcie, koncepcie slovanského jazykového atlasu a metóda jazykového zemepisu.

Otázka prípravy Slovenského jazykového atlasu bola nastolená s plnou naliehavosťou až na IV. medzinárodnom zjazde slavistov roku 1958 v Moskve. Na moskovskom zjazde bolo prijaté uznesenie, že vydanie **Slovanského jazykového atlasu (OLA)** patrí k najdôležitejším úlohám slovanskej jazykovedy. Odvtedy začala systematická práca na realizácii tohto medzinárodného lingvogeografického projektu.

Na základe uznesenia prvého koordinatívneho zasadnutia komisie pre aktuálne problémy slavistiky, ktorá bola v roku 1961 reorganizovaná na stálu komisiu OLA pri Medzinárodnom komitete slavistov, sa začala práca nad novým projektom **Karpatský dialektologický atlas**. Ako uvádza S. B. Bernštejn, v prvej etape sa rozhodol kolektív spolupracovníkov z Ústavu slavistiky a balkanistiky Ruskej akadémie vied v Moskve preskúmať otázku príbuznosti ukrajinských nárečí v juhozápadnom areáli najmä s južnoslovanskými jazykmi, ale aj s jazykmi v širšom karpatskom areáli [Бернштейн 1963]. Výsledkom spolupráce ruských, ukrajinských a moldavských dialektológov bol **Карпатский диалектологический атлас**, ktorý vyšiel v Moskve roku 1967. Vďaka tomuto výskumu sa značne rozšíril počet spoločných lexikálnych javov а objavila sa aj ich sémantická diferenciácia.ⁱⁱ

Opierajúc sa o výsledky tohto výskumu autori Karpatského dialektologického atlasu sa rozhodli pripraviť medzinárodný projekt pod názvom **Celokarpatský dialektologický atlas (Общекарпатский диалектологический атлас, Atlas dialectologique de Carpathes)**, ktorý predložili slavistickej verejnosti na posúdenie na VII. medzinárodnom zjazde slavistov roku 1973 vo Varšave. Bol to ďalší významný úspech slovan-

skej а svetovej lingvistiky. Túto myšlienku podporili mnohí dialektológovia zo slovanských а несловanských krajín а hneď na zjazde bola ustanovená medzinárodná komisia pre Celokarpatský dialektologický atlas. Po varšavskom zjazde nasledovali zasadnutia tejto medzinárodnej komisie, ktoré sa konali dvakrát ročne. Koordinačné centrum projektu sídlilo v Inštitúte slavistiky а balkanistiky Ruskej akadémie vied v Moskve. Neskôr sa táto medzinárodná komisia pretransformovala na Medzinárodné redakčné kolégium OKDA, za predsedu bol zvolený S. B. Bernštejn а за tajomníčku G. P. Klepikova. Rok 1973 sa pokladá за začiatok systematickej práce на realizácii tohto medzinárodného lingvogeografického projektu. Cieľom projektu bol výskum výsledkov dlhodobej jazykovej interferencie в jazykoch а dialeктоch karpatského jazykového areálu, в dôsledku ktorej sa vyvinuli mnohopočetné spoločné elementy на lexikálno-sémantickej rovine, tzv. karpaticizmy [Бернштейн, Клепикова 1978].

Celokarpatský dialektologický atlas je lexikálno-sémantický typ atlasu. Je to prvý atlas tohto typu, lebo dovtedy sa nikde nevenovala pozornosť výskumu sémantickej diferenciácie lexiky а ani mapovaniu týchto javov. To bolo základné teoreticko-metodologické východisko, ktoré sa zohľadňovalo pri zostavovaní dotazníka. Sieť bodov на lingvistických mapách tvorí 210 lokalít z územia poľských, moravských, slovenských, maďarských, ukrajinských, moldavských, srbských а macedónskych nárečí. Údaje z rumunských nárečí boli rekartografované z rumunských jazykových atlasov. Údaje z bulharských nárečí nedávno vydala Bulharská akadémia vied в Sofii ako osobitný index karpaticizmov. Dielo je uzavreté а výstup tohto projektu tvorí: dotazník (1981), úvodný zväzok (1987) а sedem zväzkov atlasu (1988–2003).ⁱⁱⁱ To znamená, že в roku 2003 bola uzavretá práca над týmto veľkým medzinárodným projektom, ktorý sa в budúcnosti nepochybne stane základom pre etymologický výskum karpatskej lexiky.

Na území Slovenskej republiky bolo vytypovaných 24 lokalít, z toho 20 lokalít reprezentuje slovenské nárečia а 4 lokality ukrajinské (rusínske) nárečia на severovýchodnom Slovensku. Pomerne rovnomerne sú zastúpené všetky tri makroareály: západoslovenské nárečia [záhorské: (28) Gajary, trnavské: (29) Blatné, dolnotrenčianske: (30) Horná Súča, topoľčianske: (31) Nitrianska Blatnica, hornokysucké: (32) Staškov], stredoslovenské nárečia [33] tekovské: Rudno nad Hronom, hontianske: (34) Žemberovce, turčianske: (35) Sklabiňa, dolnooravské: (36) Zázrivá, zvolenské: (37) Priečhod, (38) Ľuboreč, hornooravské:

¹ This publication is the result of the project implementation: **Retrofitting and Extension of the Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting** supported by the Research & Development Operational Programme funded by the ERDF.

(39) Brezovica, zvolenské: (40) Mýto pod Ďumbierom, východoliptovské: (41) Východná a východoslovenské nárečia [spišské: (42) Vikartovce, (43) Teplička nad Hornádom, šarišské: (44) Plaveč, (46) Zborov, zemplínske: (48) Mestisko, sotácke: (51) Belá nad Cirochou]. Lokality (45) Bajerovce (45) a Becherov (47) sú zo západnej časti ukrajinských (rusínskych) nárečí, kým lokality Veľká Poľana (49) a Zbojné (50) sú z východnej časti tohto pomedzného areálu.

Najmenej údajov z uvedených lokalít zaznamenali informátori v lokalitách ležiacich na južnom území západoslovenského (28,29,31) a stredoslovenského makroareálu (33, 34,38). Vo východoslovenskej oblasti bol zaznamenaný nízky výskyt karpaticizmov v severozemplínskych nárečiach (48, 51), čiže vo východnej časti východoslovenského makroareálu, kým v západnom regióne [v spišských (42, 43) a šarišských dialektoch (44)] je výskyt karpaticizmov vyšší. Napríklad pri čítaní sémantickej mapy č. 13 z I. zv. CKDA (1989, 54–55), na ktorej sú mapované údaje o sémantickej štruktúre lexémy + PODVŠAR, zistíme, že v lokalitách na južnej oblasti západoslovenského a stredoslovenského makroareálu podobne ako aj vo východnej časti východoslovenského makroareálu (28, 29,31, 33, 34, 38, 48, 51) a v troch ukrajinských (rusínskych) lokalitách (45, 49, 50) sa lexéma **podišiar** nevyskytuje.

Ale v niektorých lokalitách sa vyskytujú ojedinelé významy, ktoré majú pre etymologický výskum karpaticizmov veľký význam. Napríklad v hornokysuckom nárečí obce Staškov (32) sa zachovala lexéma **podišiar** s významom „*miesto pri schodoch na pôjde*“, v dolnooravskom nárečí obce Zázrivá (36) s významom „*miesto v humne nad vrátami ohradené žrdkami, na ktorých sa suší seno*“. V ostatných západoslovenských, stredoslovenských a východoslovenských lokalitách sa predpokladané významy lexémy **podišiar** zachovali, najčastejšie s významom „*polica, na ktorej je uložený hotový syr*“, prípadne „*polica, na ktorej sušia syr (pri spracúvaní mlieka na salaši)*“. Na tomto príklade sme chceli ukázať, aké je pri výskume nárečí dôležité zaznamenať všetky ojedinelé slová a ich významy. Vďaka tomu sa rozširuje areál výskytu skúmaných karpaticizmov a tiež je bohatšia ich sémantická štruktúra. Lexéma **podišiar** sa vyskytuje v rumunských, moldavských, ukrajinských, slovenských a poľských nárečiach. Oceniť treba, že Medzinárodné redakčné kolégium prijalo zásadu, že všetky tieto údaje, čiže ojedinelé slová a významy sa zaznamenávali v komentároch a

na mapách sa označovali hviezdičkou (*). Rovnako za prezieravé treba pokladať rozhodnutie MRK uverejniť v každom zväzku aj nemapované materiály, ktoré poslúžia ako dobrá materiálová báza pre ďalší výskum karpaticizmov. Na lexikálnych mapách CKDA sa odráža aj vnútorná diferencovanosť slovenských nárečí, ktorú môžeme porovnávať s údajmi zo IV. zv. Atlasu slovenského jazyka (1984) venovaného lexike [Habovštiak 1984].

Literatúra

- Бернштейн С. Б.* Карпатский диалектологический атлас // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 72–84.
- Бернштейн С. Б.* Проблемы карпатского языкознания // Карпатская диалектология и ономастика / Отв. ред. Г. П. Клепикова. М., 1972. С. 3–15).
- Бернштейн С. Б., Г. П. Клепикова.* Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги // VIII Международный съезд славистов (Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г.). М., 1978. с. 32.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 1 / Отв. ред. П. Я. Удлер. Кишинев, 1989.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 2 / Отв. ред. С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. 1-е изд. М., 1988; 2-е изд. М., 1994.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 3 / Red. odp. J. Rieger. Warszawa, 1991.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 4 / Вид. ред. Я. Закревська. Львів, 1993.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 5 / Zodr. red. I. Ripka. Bratislava, 1997.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 6 / Отв. ред. L. Balogh. Budapest, 2001.
- Бернштейн С. Б. и др.* Общекарпатский диалектологический атлас. Выпуск 7 / Отг. ред. Д. Петровић. Београд; Нови Сад 2003.
- Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.
- Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск // Отв. ред. Б. Видоески. Скопје, 1987.
- Habovštiak A.* Atlas slovenského jazyka. IV. Lexika. Časť prvá — mapy. Bratislava, 1984; Časť druhá. Úvod. Komentáre. Dotazník. Indexy. Bratislava, 1984.
- Teze předložené Prvému sjezdu slovanských filologů v Praze 1929 // U základů pražské jazykovědné školy. Prameny české a slovenské lingvistiky / K vydání připravil Josef Vachek. 1. vyd. Praha, 1970. S. 35–80.

Примечания

ⁱ Tézy PLK sa pokladajú za kolektívne dielo, ktoré pripravila osobitná komisia v zložení: R. Jakobson, B. Havránek, J. Mukařovský, V. Mathesius a iní. Dielo má jednotný charakter a všetky tézy spája funkčný pohľad na jazyk, ktorý sa stal základnou myšlienkou v koncepcii pražskej jazykovednej školy. [Teze předložené Prvému sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. 1970].

ⁱⁱ Zostavovatelia máp **Karpatského dialektologického atlasu** (1967) získali cennú skúsenosť týkajúcu sa karpaticizmov, lebo na základe výskumu fonetických, syntaktických a lexikálnych javov zistili, že o karpaticizmoch je opodstatnené hovoriť iba v prípade spoločných lexikálno-sémantických javov [Бернштейн 1972].

ⁱⁱⁱ Общекарпатский диалектологический атлас. **Вопросник**. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Москва: Издательство «Наука», 1981. 128 с. Общекарпатский диалектологический атлас. **Вступительный выпуск**. Отв. ред. Б. Видоески. Македонска академија на науките и уметностите. Скопје, 1987. 186 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 1**. Отв. ред. П. Я. Удлер. Академия наук ССР Молдовы. Институт языка и литературы. Кишинев: Издательство „Штиинца“, 1989. 196 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 2**. Отв. ред. С. Б. Бернштейн и Г. П. Клепикова. 1-е изд. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Москва: Издательство «Наука», 1988. 242 с. 2-ое изд. Российская академия наук. Институт славяноведения и балканистики. Москва: Издательство «Наука», 1994. 133 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 3**. Red. odp. J. Rieger. Polska Akademia Nauk. Komitet Językoznawstwa. Warszawa: Res Publica Press Sp. z o. o., 1991. 186 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 4**. Вид. ред. Я. Закревська. Институт українознавства Академії наук України. Львів, 1993. 184 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 5**. Zodr. red. I. Ripka. Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1997. 215 str. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 6**. Отв. ред. L. Balogh. A Magyar Tudományos Akadémia. Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest: Tinta könyvkiadó, 2001. 216 с. Бернштейн С. Б. et al: Общекарпатский диалектологический атлас. **Выпуск 7**. Отг. ред. Д. Петровић. Српска академија наука и уметности. Филозофски факултет Нови Сад. Београд; Нови Сад, 2003. 190 с.